
О.А. Оберемко
(Москва)

ТИПОЛОГИЯ МЕЖГРУППОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ: ОПЫТ ЛОГИКО- СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОТВЕТОВ НА ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

В статье представлена разработанная на основе логико-семантической теории антонимии модель кодирования ответов на два открытых вопроса: О ком Вы могли бы сказать «это – мы»? О ком Вы могли бы сказать «это – они»? Модель может использоваться в анализе любой разновидности текстовых данных.

Ключевые слова: межгрупповое противопоставление, групповая самоидентификация, антонимия, открытые вопросы, кодирование данных.

Постановка исследовательской задачи

Социологи и социальные психологи, исследующие групповые самоидентификации, используют разные методики сбора данных и приемы для их анализа, в основе которых лежит идея о том, что социальная идентичность постоянно уточняется в процессе одновременного самоотнесения к *своим (Мы)* и противопоставления *чужим (Они)* (см., например [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). Примером простейшей реализации этой идеи могут служить два открытых вопроса [1]:

Вопрос 1. На протяжении жизни мы встречаем разных людей.

С одними мы легко находим общий язык, чувствуем близость. Они нам понятны, иные же всегда остаются чужими, даже если мы их хорошо знаем. Итак, есть люди, о которых мы можем сказать:

Олег Алексеевич Оберемко – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: ooberemko@yandex.ru.

«это – мы». Если говорить о Вас лично, о ком Вы могли бы сказать «это – мы»? Назовите таких...

Вопрос 2. Только что мы говорили о людях, о которых можно сказать «Это – мы». А кто для Вас люди, к числу которых Вы себя не относите, о ком Вы могли бы сказать: «это – другие, не мы», или «это – они». Назовите таких...

Идею этих вопросов можно свести к следующему тезису: скажи мне, кто для тебя *Мы* и кто *Они*, и я определю горизонты твоего социального мира, акторов его осевого противостояния и возможности для солидаризации [2]. Пары ответов на первый и второй вопросы составляют массив данных¹: (*Мы*) бедные – (*Они*) богатые, рабочие – торговцы, горожане – селяне, друзья – незнакомые и т.п.

Для анализа такого рода данных обычно разрабатывается кодификатор, с помощью которого *Мы*- и *Они*-конструкты кодируются по отдельности. Количественная обработка позволяет посчитать частоту встречаемости разных конструктов, получить групповые идентификационные *Мы*- и *Они*-профили и сравнить их между собой [3; 4]. Например, можно обнаружить, что социальный горизонт школьников чаще ограничен «кругом общения» и совершенно не включает политические идентификации, пенсионеры чаще помещают себя в контекст воображаемых сообществ, работающие группу *Мы* определяют в терминах класса и страты, а *Они* – в терминах власти. Таким образом, сравнение механически сформированных из разорванных двух половинок противоп-

¹ В анализе использовались данные, собранные в рамках методологического практикума, проведенного под руководством В.А. Ядова со студентами-социологами Государственного университета гуманитарного образования (г. Москва), Кубанского и Нижегородского государственных университетов. Практикум осуществлялся в рамках Программы поддержки кафедр Институтом «Открытое общество» [1]. Для проведения межгрупповых сравнений опрашивались представители шести контрастных по «ресурсности» социальных групп, не менее 25 респондентов на группу – всего 184 интервью.

ставлений групповых профилей дает некоторое представление о семантике актуальных межгрупповых напряжений.

Между тем конструирование социальной идентичности предполагает взаимообусловленные 1) отнесение индивидом себя к некоторой общности людей (ингруппе, *Мы*-группе) и 2) противопоставление себя как члена группы иной общности (аутгруппе, *Они*-группе) [5, с. 9; 6; 7, р. 8, 12–13]. Иными словами, когда индивиды относят окружающих их людей к разным категориям (производят социальную категоризацию), они одновременно конструируют собственную социальную идентичность. Распределяя других по отличающимся группам, индивид явно или неявно утверждает собственную принадлежность (фактическую или виртуальную) к той категории людей, к которой он сам себя относит и в терминах которой себя определяет. Это и есть конструирование, или производство социальной идентичности, т.е. личное самоопределение в терминах некоторой социальной группы, которые, помимо чистой номинации, имеют ценностные коннотации и эмоциональную нагрузку.

Отсюда очевидно, что для получения адекватной реконструкции семантических пространств межгрупповых противопоставлений в качестве единицы анализа необходимо брать пару *Мы*- и *Они*-конструктов. Однако в этом случае возможности для компрессии массива и его интерпретации еще сильнее зависят от категориальной (не)согласованности ответов респондентов [8, р. 61–76], что делает необходимым поиск альтернативных способов кодирования. Представленный способ кодирования разработан на основе логико-семантической *теории антонимии* Ю.Д. Апресяна [9] и Л.А. Новикова [10].

О лексической антонимии

Лексическая антонимия в лингвистике трактуется как частный случай противопоставления понятий, отражающего реальность не прямо, а опосредованно, «на уровне осмысления и оценки пред-

метов и их свойств» [10, с. 56]; семантика антонимов «формируется не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке и сравнении относительно других» [11, с. 192]. Тем самым «Общность антонимов выводится из их семантических свойств, а не из реальных свойств обозначаемых ими явлений или вещей, потому что противоположных явлений и вещей не существует» [12, с. 53].

Подчеркнем, что в приведенных цитатах говорится о том, что антонимы (как частный случай противопоставления понятий) «формируются», «выводятся», т.е. конструируются¹ подобно тому, как конструируется социальная категоризация окружающих и себя самого. Тем самым двуединый процесс категоризации других и самокатегоризации можно трактовать как частный случай противопоставления понятий – конструирования *лексической антонимии*.

Как мы видим, в лингвистике конструирование антонимии не задано неизменной «идеальной матрицей» языка, иначе не шла бы речь о «формировании» и «выведении». То же самое с идентичностью: о ней, как о чем-то статичном, можно говорить лишь для удобства. Точнее говорить об идентификации, «как процессе обретения, распознавания и конструирования своей идентичности в социальном пространстве» [2, с. 10]. В процессе идентификации тоже опосредованно, через интерпретацию, «отражаются» «объективные» характеристики противопоставляемых групп; интерпретация же происходит *посредством противопоставления* [14].

Подытоживая обоснование возможности трактовать оппозицию *Мы–Они* как частный случай лексической антонимии, сформулируем несколько (возможно, сомнительных, но необходимых) базовых допущений:

¹ Определение Г.М. Андреевой конструирования, как «приведения в систему информации о мире, организации этой информации в связанные структуры с целью постижения ее смысла» [13, с. 182], также наводит мост между семантикой, с одной стороны, и социальной психологией и социологией – с другой.

1) использованные формулировки открытых вопросов позволяют выявлять центральные, т.е. наиболее значимые и наименее связанные с конкретными обстоятельствами интервью идентификации [15];

2) лишённые контекста пары ответов, полученных от респондентов (ничего не подозревающих о наших аналитических намерениях) на стимулирующие открытые вопросы, поддаются адекватной интерпретации; здесь смягчающее обстоятельство видится в том, что цель анализа – не в описании реальности, а в том, чтобы наметить круг вопросов, полезных для уточнения в дальнейших беседах тех субъективных смыслов, которые могут вкладывать респонденты (и информанты!) в самоопределения в терминах *Мы* и *Они*;

3) выстроенная лингвистами на эмпирическом материале логико-семантическая теория антонимии более или менее верно отражает не только кабинетные умствования лингвистов, но и наблюдаемые ими речевые взаимодействия между респондентами социологического опроса.

Рабочее определение лексической антонимии

Ю.Д. Апресян отмечал, что в большинстве специальных работ антонимия определяется с помощью понятий противоположности, обратности, противоречивости [9, с. 286–287]. Л.А. Новиков указывал, что антонимическая поляризация является одним из самых распространенных способов представления семантического пространства с помощью пары противоположных по смыслу понятий, обозначающих предел некоторого качества [10, с. 33; 16, с. 81]. А. Греймас полагал, что отличительное свойство антонимии по сравнению с другими видами организации семантического пространства заключается в способности задавать парами полярных понятий семантическую ось, которая образует родовое понятие [17, р. 20–25] следующим образом:

Пары полярных понятий

Тепло – холод

Легкость – тяжесть

Белое – черное

Женатый – холостой

Родовое понятие

Температура

Вес

Ахроматическая цветовая гамма

Семейное положение

Теперь рассмотрим, какие типы антонимического противопоставления различают лингвисты, чтобы на их основе сконструировать типы противопоставлений *Мы–Они* и применить их для кодирования пар идентификационных конструктов. Если каждый тип антонимии особым способом организует семантическое пространство, то можно обнаружить (или сконструировать в качестве идеальных типов) аналогичные способы для категоризации отношений между ин- и аутгруппами в социальном пространстве.

Классифицируя эмпирические данные, мы будем вынуждены делать «челночное» обращение к эмпирическим данным, лингвистической теории антонимии и социологической интерпретации (релевантной для ответов на *социологические* вопросы к данным).

Типы противопоставлений Мы–Они

1. Антагонистическое противопоставление

Аналогом *антагонистических* межгрупповых (социальных) отношений в терминологическом поле лингвистики служат *комплементарные, или контрадикторные антонимы*¹ – пара полярных понятий с несовместимыми, противоречащими друг другу значениями. Л.А. Новиков в качестве примеров комплементарной

¹ Ю.Д. Апресян со ссылкой на авторов, которые считают, что «антонимы имеют противоположные или обратные, но *не противоречащие* [курсив. – О.О.] значения», не отнес этот тип противопоставления к собственно антонимии [9, с. 284], хотя и рассмотрел его в разделе об антонимах. В решении поставленной задачи терминологической тонкостью мы пренебрегаем; главное указать, что тип противоречащей антонимии лингвисты различают.

антонимии приводит пары *друг – враг, истина – ложь, женатый – холостой* и др. [10]¹.

В пояснениях (интерпретации) лингвистов подчеркивается, что этот тип антонимии **употребляется так, как будто** полярные члены исчерпывают некое родовое понятие целиком ($p + q = U$), **мыслятся** как качественные (в противоположность относительным) полюсы, между которыми не может быть градации выраженности признака. Дело не столько в отсутствии слова с промежуточным значением, сколько в том, что средняя, промежуточная степень выраженности признака просто **не мыслится** [10, с. 79].

Комплементарность – контрадикторность отличает от других видов антонимии двусторонняя импликация; *A* не содержит черт *не-A*, чего нет в *A*, т.е. в *не-A* и наоборот [10, с. 53]. Соответственно **глубинная идея** этого типа противопоставления – различать наличие и отсутствие некоторого признака, качества [18, с. 22–23].

Условность, необязательность такого жесткого противопоставления очевидна: в жизни встречается «и не друг, и не враг, а так...», между истиной и ложью могут быть полутона – полуправда, неполная истина, статистика (согласно известному скептическому изречению) и т.п. Однако в системе координат, задаваемой в этом типе противопоставления, полутона не предусмотрены: конструкция (интерпретация) семантического пространства допускает только истину и ложь; только отсутствие (в случае «женатости») и присутствие (в случае «неженатости») на брачном рынке – независимо от предыдущих состояний (вдовство), половой зрелости, необходимых способностей и установок (ориентаций).

Этот лингвистический тип антонимии вполне поддается социологической интерпретации как тотально **антагонистическое** межгрупповое отношение, которому соответствует образ расколотого на две половины мира как арены бескомпромиссной

¹ Здесь и далее при освещении лингвистической теории приводятся примеры из [10].

борьбы, где нельзя не участвовать в «схватке». Граница между антагонистами непроницаема: между ними нет места для третьей стороны и невозможно снятие конфликтности.

Если срединное положение и возможно, в такой черно-белой картине мира оно не имеет собственного полноценного существования, подобно тому, как в классическом марксизме мелкая буржуазия мыслится либо союзником пролетариата, либо союзником нетрудовой буржуазии. Такое противопоставление конструируется как осевое, устойчивое, тотальное.

Можно предположить, что употребление полярных понятий при производстве групповой идентичности будет свидетельствовать о конфликтной интерпретации мира межгруппового взаимодействия, о крайней степени определенности и непроницаемости межгрупповых границ. Идеально-типическим примером такого противопоставления служат оппозиции *друзья – враги, свои – чужие*. Из данных опроса к этому типу можно отнести выстроенные в примордиалистской логике пары *патриоты – враги, русские – враги* и некоторые другие противопоставления, имеющие отчетливую эмоциональную и этическую нагрузку, как *работяги – тунеядцы*. Межгрупповая граница – четкая и плохо проницаемая: перевод объекта из Мы в Они или обратно требует значительных когнитивных усилий. Мир контрадикторного противопоставления – это мир интенсивно политизированной поляризации.

2. Функциональное дополнение

Аналог функционального, ролевого дополнения мы усматриваем в *конверсивной* антонимии. Согласно определению Л.А. Новикова, *конверсивные* антонимы описывают одно и то же события с точки зрения противопоставленных друг другу участников ситуации или взаимодействия [10, с. 238]: *купля – продажа, проигрыш – выигрыш*.

Сходство контрадикторной и конверсивной антонимии заключается в том, что оба типа означают бинарное, не допускаю-

щее третьих членов, напряженное противопоставление. Отличие конверсивной антонимии от контрадикторной состоит в том, что противопоставление не расширяется до вселенских масштабов, а ограничивается частным, функциональным контекстом, а напряженность отношений предполагает не устранение одной из сторон, а скорее обмен ресурсами.

В опросных данных отношения функционального дополнения выражают следующие пары: *студенты – преподаватели, программисты – заказчики, рабочие пансионата – отдыхающие, директора – рабочие*.

В отличие от антагонистического противопоставления функционально дополняющие пары понятий выражают отношения общественного разделения труда.

Конечно, в социальном мире отношения функционального дополнения могут политизироваться и реинтерпретироваться в антагонизм «вселенских масштабов». Легко представить двух разных респондентов, которые определяют свой статус с помощью одних и тех же понятий (например, *директор* или *рабочий*), но подразумевают различные отношения к своему положению в социальном пространстве: один трактует свой социальный статус в терминах антагонизма, другой – в терминах функциональности. Безошибочно определить характер межгрупповых отношений по паре односложных ответов в анкетном опросе невозможно, а в ходе интервью это сделать нетрудно.

3. Стратифицирующее сравнение

Под стратифицирующим сравнением мы понимаем определение своего места в социальной структуре через противопоставление группы *Мы* группе *Они*, например, *бедные – богатые*. В лингвистике этому типу оппозиции соответствует *контрарная* антонимия. Моделью этого типа антонимии служит пара *белый – черный*; она задает семантическое поле в виде континуума, на котором определенное свойство предметов изменяется постепенно,

без резких границ и переходов [10, с. 33, 57], или в виде «шкалы постепенного перехода от белого к черному» [9, с. 298] через тона серого. Полярные понятия в таком противопоставлении по своему значению являются относительными, т.е. допускают степени сравнения. Отрицание одного члена оппозиции не означает автоматическое тождество с другим членом; имеет место односторонняя частичная импликация:

Верно:	$p \rightarrow \neg q$	если он молодой, то не старый
Неверно:	$\neg p \rightarrow q$	если он не молодой, то старый

Иными словами, помимо самых бедных и самых богатых контрарное противопоставление допускает существование многочисленных градаций.

Антонимия этого типа сводится к противопоставлению *больше – меньше* относительно подразумеваемой нулевой точки отсчета, выступающей в качестве нормы [10, с. 50]: *стол не широкий и не узкий, а нормальный – средний*.

Такая оппозиция в терминах статусного самоопределения своей группы реализуется в форме стратифицирующего сравнения *выше – ниже*. Высокий статус *богатых* и низкий статус *бедных* определяется в сравнении с «нормой», т.е. относительно пресловутого «среднего класса».

Контрарное противопоставление можно также увидеть в парах, где только один из членов выражен относительным прилагательным. Логично допустить, что называющие себя *бедными* (*Мы*) рассматривали *новых русских* (*Они*), прежде всего, как *богатых*. А тот, кто, противопоставляя себя *богатым* (*Они*), относил себя (*Мы*) к *беженцам* или *пенсионерам*, подразумевал *бедность*. К этому же типу мы отнесли противопоставления в терминах социально-классовых и близких им по смыслу общностей типа *безработные – бизнесмены*.

Беря в качестве основания для *стратифицирующего сравнения* либо *Мы-*, либо *Они-*определение, с различной долей уверенности пары идентификаций можно классифицировать по

трем классическим (веберовским) критериям стратификации: богатство, власть, престиж.

Таблица

Критерии стратификации	Примеры
Богатство	<i>Бедные – богатые, бедные – новые русские, пенсионеры – олигархи, рабочий класс – богатые, учителя – торговцы</i>
Власть	<i>Интеллигенция – властьимущие, рабочий класс – элита, пенсионеры – политиканы, пенсионеры – правительство</i>
Престиж	<i>Рабочие – бандиты, учителя – наркоманы, учителя – бомжи, интеллигенция – маргиналы, интеллигенты – хулиганы, интеллигенция – тунеядцы, интеллигенция – преступники</i>

Некоторые приведенные в таблице пары можно классифицировать и по другим стратификационным критериям, например, по образованию: (образованные) *интеллигенты* – (необразованные) *маргиналы, хулиганы, тунеядцы, преступники*.

Во всех приведенных примерах *Мы* всегда располагаются ниже, чем *Они* по параметрам богатства и власти, и выше – по параметру престижа (и образования).

Стратифицирующим критерием может выступать и критерий места¹: *рабочие* (т.е. приезжие) – *местное население, беженцы – коренные жители*. Стратифицирующий фактор отношения к месту особенно ярко проявляется в случаях, в которых статус места определяется через противопоставление по критериям богатства, власти и престижа: *переселенцы – богатые, беженцы – высшая политическая власть, беженцы – преступный мир*.

¹ Обилие примеров объясняется присутствием в выборке группы вынужденных переселенцев.

Все примеры стратифицирующего сравнения предполагают сосуществование страт в рамках многоуровневой иерархической социальной структуры.

Именно в «экономической» картине общества *Мы* и *Они*, занимающие многочисленные уровни социальной иерархии, мыслятся неантагонистически. Разумеется, до тех пор, пока не происходит политизации отношений.

4. Негативное противопоставление

В опросных данных встретились пары, образующие негативные противопоставления с помощью частицы «не» (*верующие – неверующие*) и ее морфологических аналогов (приставка *без-* и др.). В терминологии Л.А. Новикова такие пары относятся к *неконтрарной антонимии* [10, с. 84–85], которая выражает слабое противоречие [10, с. 29, 237], поскольку оно не означает крайние, предельные противоположности. *Нелюбовь* указывает на отсутствие любви, но не утверждает *ненависть*, а *недружеский* – это еще не *враждебный* [13, с. 53–54, 143]. Лингвистические наблюдения показывают, что отрицание редко превращается в крайнюю противоположность и приобретает собственное, позитивно определяемое значение, как в этом случае: *друг – не друг – недруг (= враг)*.

Как правило, в таких парах собственное, позитивное значение имеет только один член противопоставления, тогда как отрицание делает значение менее определенным, менее предметным, менее конкретным и придает ему больший объем. Неконтрарная противоположность задает только один полюс, а отсутствие второго полюса размывает родовое понятие, лишает его содержательной определенности [10, с. 25–26, 45]. Неопределенность не создает семантического напряжения, и поэтому не все авторы относят такие противопоставления к антонимии [10, с. 84].

Семантический анализ опросных данных позволил выделить два разных типа осмысления межгрупповых отношений, морфологически выражаемых неконтрарной антонимией.

4.1. Негативное противопоставление большинству

Пары этого типа выражают специфичность, иногда малочисленность и даже избранность *Мы* среди большинства *Они*: *верующие – неверующие, интеллигенция – неинтеллигенция, люди симпатичные – люди несимпатичные, старшее поколение – люди не моего поколения, стремящиеся к цели – не имеющие цели.*

Такое противопоставление делит мир на две части: меньшую по размеру, замкнутую, свою «ойкумену» и остальной мир «варваров», с которым ингруппа имеет непосредственную границу. *Мы* наделены определенными качествами, *Они* их лишены; мир, в котором живут *Они*, вообще лишен положительных качеств. Тем самым порождается асимметрия содержания, весьма пространенная для антонимических отношений [9, с. 302–305]. Содержание и границы ингруппы мыслятся более определенно, чем в случае аутгруппы. *Их* мир может вообще не иметь границ (границу имеют только «держащие глухую оборону» *Мы*).

Среди пар этого типа встречаются случаи, в которой оператор «не» обозначает границу между миром близких людей, контактными группами и миром незнакомых, чужих людей, с кем или совсем нет контакта, или нет тесного контакта: *друзья – одноклассники, с кем не общаюсь, одноклассники – люди, с кем нет отношений, сослуживцы – незнакомые, друзья – незнакомые, все, что вокруг меня – чужие, семья – не семья.*

В некоторых из этих пар противопоставляемые общности не имеют общих границ, поскольку их разделяют промежуточные группы, выполняющие роль буфера. Например, между *сослуживцами* (или *друзьями*) и *незнакомыми* есть, как минимум, *знакомые*, которые более многочисленны и менее близки, чем *сослуживцы* (или *друзья*).

Поскольку мир *незнакомых* отделен буферными группами, *мы* о нем ничего не знаем, ни хорошего, ни плохого. У *нас* нет с ним контактов. Когда возникает контакт, *мы* что-то узнаем об *их* мире, он становится для *нас* более определенным. При возникновении

контакта возможны три варианта развития событий: *их* мир может оставаться *чужим*, или стать *врагом*, или войти в границы *нашего* мира. Слабое негативное противопоставление большинству, например, *россияне – не россияне*, может после контакта преобразоваться и в антагонистическое противостояние (отечественная война), и в функциональное дополнение (энергоресурсы в обмен на машины и продовольствие), и в стратифицирующее сравнение (россияне побогаче, китайцы победнее) в полном соответствии с интерпретативной и коммуникативной природой процессов идентификации.

4.2. Нормативное противопоставление меньшинству

Специфически неконtrarная логика проявляется в *нормативном противопоставлении меньшинству*, в котором ингруппа выступает средним членом, нулевой точкой отсчета, нормой, а аутгруппа вытесняется на периферию. Сходный тип противопоставления Ю.Д. Апресян относит к квазиантонимической модели «середина шкалы – полюс» [9, с. 315].

Мы здесь мыслятся как «нормальные», «обычные», «люди, как все», не имеющие позитивно выраженных качеств и выступающие как сама собой разумеющаяся норма и, по-видимому, большинство. *Они* предстают маркированными членами противопоставления, имеющими содержательно выраженные качества меньшинства: *обычные пенсионеры – богатые, простые домохозяйки – жены новых русских, люди среднего достатка – высокого достатка.*

В некоторых парах аутгруппа эксплицитно выводится за границы «нормального» общества, маргинализуется, а ингруппа репрезентирует собой все общество или, по крайней мере, его центральную, сердцевинную часть, соблюдающее закон и приличия *гражданского* сообщества: *люди – преступники, общество – преступники, жители России – девианты, граждане – преступники и правонарушители, граждане России – не дорожащие интересами общества, российский народ – преступники.*

В парах, отнесенных к нормативному противопоставлению, *Они* маркируются только по параметрам богатства и престижа, однако, по-видимому, можно ожидать нормирования социального пространства и по другим стратифицирующим критериям – власти, места и т.п.

5. Различение близких – далекий

Специфическую группу в нашей классификации составляют пары, выражающие различие *близкий – далекий*. К этой группе мы отнесли, в частности, следующие примеры: *друзья – коллеги, друзья – соседи, коллектив – друзья, семья – друзья, семья – соседи, семья – знакомые, семья – все человечество*. В этих примерах о собственно противопоставлении можно говорить очень условно, и адекватнее говорить именно о *различении*.

В терминах логико-семантической классификации типов антонимии *различение* трактуется неоднозначно.

Различение сходно с *неконтрарной антонимией* (тип 4) в том, что оба типа выражают не полярные, а центр-периферийные отношения, где центральная позиция отводится группе *Мы*. Отличие же заключается в том, что в *различении* оба понятия имеют собственное позитивное содержание, что делает их границы одинаково четкими, тогда как в *неконтрарной антонимии* позитивно выражен только полюс *Мы*.

С *контрарной антонимией* (тип 3) *различение* близких и далеких роднит идея сравнения – *больше – меньше, ближе – дальше*. Однако в типе 3 статусы размещаются в вертикальной иерархии, а в типе 5 – по горизонтали. Кроме того, в контрарной антонимии подразумевается срединная, нулевая точка отсчета, а в *различении* такой точки не усматривается.

Различение не содержит напряженного противопоставления. *Мы-* и *Они-*конструкты напоминают вешки, которые устанавливают различные степени *близости – дальности* внутри *целиком принятого* мира, не разделенного на свое и чуж(д)ое простран-

ства, хотя и в нем есть место для конфликтов, как о том свидетельствует пример из данных: *семья – коллеги по борьбе с РЭУ и поликлиникой*.

Только в типе *различения* одни и те же конструкты могут обозначать *Мы* и *Они*: *друзья – коллеги, семья – друзья*. Следовательно, между *Мы* и *Они* нет непроходимой границы. *Различение* подразумевает, что мой (наш) мир населен разными категориями людей, различающихся по близости к *Мы*. В горизонтально устроенном пространстве не мыслится даже слабых противостояний: и *Мы*, и *Они*, все – свои.

Итак, обращение к лингвистической типологии антонимов помогло систематически выявлять и упорядочивать содержательное разнообразие противопоставлений *Мы – Они*, подразумевающих различные способы групповой самоидентификации и межгрупповой оппозиции, а также картины социального мира. В результате с определенной долей уверенности удалось классифицировать 90% ответов на открытые вопросы анкеты по следующим шести типам:

- (1) антагонистическое противопоставление;
- (2) функциональное дополнение;
- (3) стратифицирующее сравнение;
- (4.1) негативное противопоставление большинству;
- (4.2) нормативное противопоставление меньшинству;
- (5) различие *близкий – далекий*.

Автор безусловно признает ограниченные возможности для тонкой содержательной классификации пар слов, полученных на два не самых безупречных с методической точки зрения вопроса и лишенных даже минимального контекста. Смысл проделанной работы видится в том, чтобы 1) показать принципиальную применимость логико-семантических категорий к анализу производства групповой идентичности и 2) определить круг дополнительных вопросов, уточняющих смыслы, которые могут вкладывать в межгрупповые различия и респонденты массовых опросов, и информанты глубинных интервью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.): Мастер-класс проф. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004.

2. Данилова Е.Н., Косэла К. О методологии исследования: общий подход и используемые методики // Россияне и поляки на рубеже веков: Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Сост. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. СПб.: РХГА, 2006. С. 10–30.

3. Климова С.Г. Критерии определения групп «Мы» и «Они» // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 83–102.

4. Оберемко О.А., Пасько А.Н. Классификация конструкторов социальной идентичности // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 18. С. 17–44.

5. Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общегосударственной программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1993.

6. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Behavior // *Social Science Information*. 1974. Vol. 13. P. 65–93.

7. *Turner J.C.* Some Current Issues in Research on Social Identity and Self-Categorization Theories // *Social Identity* / Ed. by N. Ellemers et al. L.: Blackwell, 1999. P. 6–34.

8. *Zavalloni M., Louis-Guérin C.* Identité sociale et conscience. Introduction à l'égo-écologie. Montréal; Toulouse: Presse Universitaire de Montréal-Privat, 1984.

9. Апресян Ю.Д. Лексические антонимы // Избранные труды. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1994. Т. 1: Лексическая семантика. Семантические средства языка. С. 284–315.

10. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: МГУ, 1973.

11. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968.

12. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (о соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49–59.

13. Андреева Г.М. Трудности социального познания: «образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.

14. *Crocker J., Luthanen R.* Collective Self-esteem and Ingroup Bias // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P. 60–67.

15. *Gurin P., Markus H.* Group Identity: The Psychological Mechanisms of Durable Salience // *Revue Internationale de Psychologie Sociale*. 1988. Vol. 1. P. 257–274.

16. *Новиков Л.А.* Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в национальной школе. 1966. № 4.
17. *Greimas A.J.* Sémantique structurale: Recherche de méthode. P.: Larousse, 1966.
18. *Апресян Ю.Д.* Современная лексическая семантика: II. Синонимические средства языка и правила перефразирования (лексические антонимы) // Русский язык в национальной школе. 1972. № 3.